

Галина Зеленина

«Отравленная вата» и «привитая гипертония»: источники и функции слухов вокруг «дела врачей»¹

Статья посвящена традиционно недооцениваемым и недоизученным настроениям населения и ньюслору периода «дела врачей» (январь — апрель 1953 г.). Исследование строится на сопоставительном анализе трех групп источников: материалов центральной и республиканской печати, «откликов» населения, как нееврейского, так и еврейского, на сообщения об аресте, а затем о реабилитации группы врачей, воспоминаний евреев о «деле врачей», зафиксированных в мемуарах и интервью. Помимо описания и классификации распространенных слухов и наветов, в задачи автора статьи входит поиск источников слухов и слухопорождающих стимулов и определение идеологических и социопсихологических функций этих слухов и толков. Генезис ньюслора представляется результатом сочетания нескольких факторов: тактики советской прессы, задавшей тему и подогревавшей интерес к ней, но сохранявшей информационный вакуум, который заполнялся слухами, а также различных фобий, воспитанных предыдущими, в том числе антисемитскими кампаниями и памятью о войне с ее партизанским героизмом, с одной стороны, и евреями — жертвами геноцида и евреями, «воюющими в Ташкенте», с другой. Функционал слухов тройственен: идеологическая функция (преимущественно для нееврейского населения, продуцировавшего эти слухи) состоит в риторической реализации идеи мести, возмездия, компенсации; социальная — в размежевании «простых советских людей» и «ученых-евреев» и внутренней консолидации этих групп; апологетическая (для еврейского населения) — в обесценивании обвинений как абсурдных, порожденных невежеством и завистью обывателей, и в утверждении евреями собственной невиновности и превосходства.

Ключевые слова: «дело врачей», антисемитизм, слухи, ньюслор, Великая Отечественная война, советское еврейство, кровавый навет.

Введение

«Дело врачей» (в широком понимании) — это комплекс взаимосвязанных событий и процессов, официально датируемых январем — апрелем 1953 г., но в действительности начавшихся в 1952 г., с предысторией, уводящей к августу 1948 г.: это и собственно процесс над рядом крупных врачей, в том числе еврейского происхождения, и антисемитская кампания в прессе, антисемитская кадровая политика в медицинских и иных учреждениях, проект депортации евреев в Сибирь и, наконец, обострение антисемитской риторики и политики вплоть до разрыва дипломатических отношений с Израилем. Этому комплексу и его отдельным компонентам посвящен обшир-

Галина Светлоярвна Зеленина
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва
galinazelenina@gmail.com

¹ Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00143 «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: Славяне и евреи». Благодарю Александру Архипову и Алексея Макарова за ценные вопросы и замечания, которые помогли мне в работе над этой статьей, и Л.К. Финберга за предоставление доступа к коллекциям интервью из архива киевского Института иудаики, без которых эта статья не могла бы быть написана.

ный корпус работ, исследующих «дело врачей» «с головы до ног»: от кремлевской режиссуры до локальных воплощений верховного замысла [Костырченко 2003; Медведев 2003, Brent, Наумов 2004; Смиловицкий 2007; Кимерлинг 2011 и др.].

Традиционно недооцениваемые советологами настроения населения и собственно слухи [Зубкова 1998: 25–26] со временем привлекли внимание исследователей этой темы [Зубкова 1999; Фатеев 1999; Altshuler 1997; Lokshin 1995]. Однако они в основном просто вычленились из источников и фиксировались, их классифицировали и оценивали бинарно (антисемитские / неантисемитские, лояльные / нелояльные), не подвергая сюжетному, функциональному и иному нюансированному анализу. Наконец, симультанные реакции еврейского населения в силу незначительной представленности в архивных источниках практически не исследованы, а еврейская память об этих событиях обсуждается, как правило, крайне нерепрезентативно — с опорой на личный опыт или материал одного-двух мемуаристов [Фрейдин 2003].

Однако официальный нарратив — нарратив власти и прессы — вместе с реакциями еврейского и нееврейского населения составляет некий общий дискурсивный корпус «дела врачей», в котором можно проследить сквозные смыслы, мотивы, образы, метафоры, более того, можно сказать, что вся кампания «дела врачей» и общественные переживания этого периода зиждидлись именно на этих смыслах, мотивах, образах и метафорах, достойных дифференцированного анализа.

Наш дальнейший рассказ посвящен ньюслору¹ «дела врачей» — слухам, толкам и мемам, циркулировавшим зимой-весной 1953 г., некоторые из которых далее утвердились в коллективной памяти: их описанию, классификации и анализу, выявлению в их основе агонального напряжения и традиционных мифологических представлений, определению их функционала, в том числе психотерапевтического, и поискам их генезиса (в частности, их связи с материалами антисемитской кампании в прессе, с предыдущими идеологическими кампаниями и возвращенными ими фобиями, с информационными и иными дефицитами, с разнообразным военным опытом: партизанского героизма, нацистского геноцида на оккупированных территориях, критики евреев, «воюющих в Ташкенте»).

¹ Изобретатель термина Р. Фрэнк [Frank 2011], работая с современным материалом, подразумевает под ньюслором различные формы актуального городского фольклора и медиалора, откликающиеся на текущие новости; применительно к «делу врачей» о таких формах речь не идет, и мы будем понимать ньюслор универсальнее — как совокупность неофициальных нарративов, порожденных обществом в ответ на новость.

Рассмотреть вышеназванные темы, а также сравнить воспоминания евреев о «деле врачей» и настроениях нееврейского населения в то время с синхронной фиксацией этих настроений в партийных отчетах и письмах в прессу нам позволяет сопоставительное исследование трех корпусов источников: 1) материалов центральной и республиканской печати в период от сообщений ТАСС об «аресте группы врачей-вредителей» от 13 января 1953 г. до заявления МВД о полной реабилитации арестованных от 4 апреля; 2) «откликов» населения, преимущественно нееврейского, на сообщения об аресте врачей и их реабилитации¹; 3) воспоминаний евреев о «деле врачей», содержащихся как в мемуарах, так и в серийных биографических интервью с советскими евреями, взятых на рубеже XX—XXI вв.

Основные группы слухов

Прежде чем обсуждать истоки толков и слухов, приведем их краткую классификацию в порядке возрастания радикальности.

1. Засилье евреев в медицине: поликлиниках, больницах, аптеках. Подпадает под относительно легкое обвинение в кумовстве, но в перспективе может привести к гораздо более грозному обвинению в заговоре.
2. Покровительство евреев-врачей «своим»: в больницах, «богадельнях для евреев», «лежат сплошь евреи, совершенно не больные»², евреям выписываются фальшивые бюллетени и т.д.
3. Плохое отношение евреев-врачей к пациентам-неевреям: «черствость и бездушность», «цинизм», «равнодушие», «недобросовестность», «халатность»³.
4. Умышленное вредительство евреев-врачей: искусственное заражение пациентов бруцеллезом, привезенным из другого города, сыпнотифозными вшами, транспортированными в чемодане, изготовление поддельных отравляющих лекарств («клат в порошки морфий»), проведение загадочных прививок, от которых «делается хуже», «неправильные методы лечения». Два самых важных подтипа в слухах такого рода — вредительство евреев-врачей, направленное (а) против других «активных деятелей» советского государства, прежде всего Сталина («трудящиеся продолжают

¹ Последние были опубликованы А.Е. Локшиным [Локшин 1994], но здесь используется подлинник и ссылки даны на архивное дело; первые, насколько мне известно, никогда не публиковались, хотя краткий их пересказ содержится в статье С. Чарного [Чарный 2003].

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 602. Л. 15.

³ Там же. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 104; Оп. 16. Ед. хр. 602. Л. 6, 13–14 и многие др.

- задавать много вопросов о состоянии здоровья тов. Сталина и о благонадежности лечащих его врачей»¹); или (б) против детей и беременных женщин.
5. Неврачебное вредительство на производстве или в сельском хозяйстве и убийства: как разовые и индивидуальные, так и спланированные и организованные (в машинное масло насыпали металлическую стружку, еврейка-учительница повесила девочку-домработницу и т.д.).
 6. Заговор, тайная организация, ставящая целью причинение вреда советской власти.
 7. Связи евреев с границей: получают посылки, пишут письма, в которых очерняют советскую действительность, слушают «Голос Америки», продались и шпионят.
 8. Надвигающаяся война: бактериологическая, с Америкой, Третья мировая, — в которой евреи есть и будут шпионами. Упоминается в основном как апокалиптическое событие, которого нужно во что бы то ни стало избежать («встать на защиту мира против новой войны — дело всякого»²), но в редких случаях (диссидентски настроенными евреями и заключенными) — как событие мессианское, несущее спасение.
 9. Депортация евреев: как призывы к ней со стороны «бдительных граждан», так и опасения ее со стороны евреев. Сюжет стоит на двух китах: Биробиджанском проекте и депортациях «народов-предателей» во время и после войны.
 10. Толки метауровня (не отталкивающиеся от новости, но критические по отношению к ней): попытки догадаться об истинных мотивах ареста «врачей-вредителей» и сообщения о нем, присущие евреям и ссыльным. После сообщения о реабилитации врачей подобную же критику и *подозрение мотивов* [Луман 2007; Вахштайн 2014] демонстрировали и лояльные «простые советские люди».

**«Названы неконкретно <...> Прошу осветить»:
пресса и другие истоки ньюслора «дела врачей»**

Наши три группы источников: пресса, отклики населения и еврейские воспоминания — выстраиваются в треугольник. Пресса влияет на реакции нееврейского и еврейского населе-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 81.

² Там же. Оп. 16. Ед. хр. 602. Л. 50.

ния¹, настроения нееврейского населения влияют на настроения и, далее, образ этих событий в памяти евреев, воспоминания евреев переинтерпретируют газетные публикации и слухи. Однако этот треугольник — фигура не замкнутая: были другие факторы, определявшие настроения населения и продуцировавшие те или иные слухи (в частности, на настроения евреев в большой степени влияла кадровая политика учреждений, где они работали). И наоборот: пресса не была основным источником мыслей и слухов собственно о врачах и их «вредительстве», как можно было бы подумать. Иными словами, «отклики на сообщение 13 января» лишь отчасти были реакцией на само сообщение, но, кроме того, отражали влияние целого ряда других, «подводных», факторов. Часть «откликов» населения действительно верноподданнически дублирует официальные заявления, как бы иллюстрируя априорные утверждения программных публикаций о «священном гневе и беспощадной каре советского народа», «клепящего преступную банду убийц» [Отравители 1953: 2; Подлые шпионы и убийцы 1953], или расширяет их по заданной модели (включая в число жертв евреев-врачей других известных персонажей: от иностранных коммунистов Чойбалсана и Димитрова до секретаря Крымского обкома и академика С.И. Вавилова, которого к тому же лечили «врачи-убийцы» Егоров и Виноградов²). Другая часть толков, наиболее невинных (про кумовство, взяточничество, жульничество, спекуляцию лекарствами), вторит сюжетам фельетонов. Но наиболее информативные и радикальные отклики — как именные расчетливые доносы, так и «бескорыстные» излияния чувств и рассуждения граждан — излагают факты и фантазии, не заимствованные из прессы.

В пресловутой «антисемитской кампании в прессе» января-марта 1953 г.³ можно выделить два тематических уровня, совпадающих с двумя жанровыми типами: демонизирующе-инвективным и сатирическим. Инвективная группа сравнительно малочисленна, ее программные тексты — «Отравители» и «Ощипанный Джойнт» в «Крокодиле», «Подлые шпионы-убийцы под маской профессоров-врачей» и «Почта Лидии Тимашук» в «Правде». Адресаты анафематствования — «врачи-убийцы» и их «хозяева» — сионисты и империалисты. Обличаемые преступления — вредительство, убийство, измена родине,

¹ Влияет по-разному: в первом случае получает ту реакцию, которую и старается вызвать, — ненависть, подозрение и т.д., во втором — стимулирует страх, поиск скрытых мотивов и т.д.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 4, 74, 68.

³ Я основываюсь на собственном анализе основных центральных и республиканских газет и на обзорах местной печати (городских и многотиражных газет), сделанных другими исследователями [Генина 2003; Смиловицкий 2007; Кимерлинг 2011].

преступления злонамеренные и идейные, не предполагающие прощения и исправления. Тон обличений — торжественный и пафосный, цитатный ряд состоит из Библии, романтического Гоголя («Страшной мести»), Маяковского, тропика включает зоологические метафоры и медиевобные аллюзии.

Ко второй группе, сатирической, относится абсолютное большинство публикаций «антисемитской кампании», десятки фельетонов в центральной печати и газетах всех уровней, в конце января — феврале вышедших чуть ли не каждые 2–3 дня. Героями сатирических текстов выступают не кремлевские врачи, а обычные евреи самых разных профессий, которые обвиняются в мошенничестве, аферизме, шарлатанстве, а также семейственности, кумовстве, то есть в противоправной деятельности в собственных интересах (например, [Буренков, Титаренко 1953]). Литературные аллюзии в этой группе материалов включают Салтыкова-Щедрина и сатирические произведения Гоголя, метафорический ряд завязан на цирковой тропике: проходимцы и шарлатаны любых профессий как обманщики окружающих сравниваются с фокусниками или иллюзионистами (например, в [Ардаматский 1953]). Если в фельетонах и появляются рядовые врачи-евреи, то, как правило, инкриминируется им не отравление пациентов, а мелкое мошенничество вроде выдачи фальшивых бюллетеней.

Таким образом, кампания в прессе в период «дела врачей» не раскрывала тему врачебного вредительства. За редкими исключениями пресса не стремилась обличать рядовых врачей, предпочитая муссировать более невинную тему жульничества и шарлатанства, и никогда не рассказывала дополнительные подробности про врачей кремлевских. 13 января было сделано очень сильное — провокационное и тревожащее — заявление и дана установка на бдительность и разоблачение врагов, но далее, обманывая ожидания по меньшей мере части своих читателей, газеты пошли по иному, смежному, пути.

Согласно «основному закону слухов» Олпорта — Постмена [Allport, Postman 1948; Donovan 2007], слух представляет собой производную важности темы, интереса к ней и двусмысленности, неудовлетворительности, дефицита информации о ней. Сообщением 13 января пресса задала тему и подчеркнула ее важность, объяснив, что действия врачей еврейского происхождения ставят под угрозу будущее отечества и социализма вообще, а на протяжении последующих недель материалами про необходимость бдительности и еврейское мошенничество подогревала интерес к этой теме, поддерживала уровень тревожности и напряжения, но в то же время сохраняла информационный вакуум, не давая никакого развития «кремлевскому»

сюжету и не обличая преступления врачей на местах. Сочетание этих факторов, по-видимому, создавало идеальные условия для народного творчества — фантазий о еврейских преступлениях, «обнаружения» своих врачей-убийц, циркулирующие разнообразных слухов, заполняющих этот вакуум.

То, что читатели ощущали дискомфорт от дефицита информации, прямо проговаривается в письмах в «Правду» (сообщение ТАСС «неконкретно», не названы «подлецы», преступно проглядевшие вредителей, «ротозеи» в Минздраве, «мерзавцы» в МГБ¹) и в списках «вопросов трудящихся» агитаторам, например: «Что будет с теми евреями, которые получали посылки из Америки? Выявлены ли среди медицинских работников другие вредители кроме тех, которые указаны в хронике ТАСС?»²

Прямым стимулом для писем, доносов, обнаружения различных непорядков на местах и вообще мыслей и слухов на эту тему становится брошенный через прессу призыв к бдительности. Культура социального подозрения насаждалась и ранее кампаниями 1930-х — конца 1940-х гг. (как писала Н.Я. Мандельштам, «[в]се, чему нас учила эпоха, — разоблачениям, срыванию покровов и поискам подоплеки под каждым поступком»), и хорошо подготовленные трудящиеся с готовностью реагировали на новый призыв, подозревая окружающих евреев и в письмах в газеты и органы власти — в риторике, утвердившейся за прошедшие годы, — требуя их «основательно проверить». Причем особенно заметливые, неленивые и параноидально настроенные доносчики на основании собранных «улик» и слухов рисовали целые схемы вредительства в городском или даже всесоюзном масштабе. Таким образом, они не просто повторяли сказанное в газете, но и разоблачали новые заговоры, «самореализовывались» (если воспользоваться терминологией и подходом Л.Я. Гинзбург, следующей, по мнению А.Л. Зорина [Зорин 2005], за теорией «жажды превосходства» Альфреда Адлера) как бдительные граждане.

Актуальность темы подкреплялась и рядом других факторов. Первый — это опыт сосуществования неевреев с евреями в предыдущие годы, прежде всего во время войны на оккупированных территориях, где нацистской пропагандой насаждался антисемитизм³, и последующий опыт антисемитских

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 602. Л. 19–21.

² Там же. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 80–81.

³ В воспоминаниях и интервью переживших оккупацию евреев часто развивается теория заражения местного населения антисемитизмом через нацистскую пропаганду и практику, в том числе и в контексте «дела врачей» («немцы оставили на них какую-то печать») [Инф. 24].

кампаний конца 1940-х — начала 1950-х гг. Другая тревожащая тема, актуализированная сообщением о врачах-убийцах, но заложенная уже кампаниями предыдущих десятилетий, — это тема вредительства. Борьба с вредительством подразумевала как «экономическую контрреволюцию», так и вредительство других видов, в том числе убийство, в том числе путем отравления, в том числе детей, в том числе евреями. Таким образом, целая серия случаев в разных регионах Союза по ряду параметров совпадала со случаями, спровоцировавшими «дело врачей», и эти сюжеты могли всплыть в памяти населения зимой 1953 г., катализируя страхи двух типов: страх перед скрытыми вредителями в своем доме, школе, учреждении, магазине или страх преследования по ложному обвинению — в это время уже прежде всего у евреев.

Насажденные процессами 1930-х гг., страхи перед вредительством укрепились в предвоенное и военное время благодаря информации разной степени достоверности о бактериологических, химических и газовых атаках, планируемых или проведенных немцами, а также о бытовом отравительстве, совершаемом их же руками. Зимой 1953 г. в некоторых умах эти опасения с Германии перешли на Америку и евреев-врачей как ее агентов, а сюжет об отравлении Жданова и других трансформировался в сюжет о глобальном отравлении советского народа в рамках бактериологической войны¹.

И наконец, агитации способствовала как универсальная, естественная в любой ситуации озабоченность медицинскими вопросами, так и специфические фобии, связанные с некоторыми болезнями и медицинскими процедурами, прежде всего раком, туберкулезом и прививками — именно они чаще всего фигурируют в слухах о врачах-отравителях. На тот момент общеобязательная профилактическая вакцинация была относительно новым явлением и потому оказывалась темой публичного обсуждения и вызывала особые подозрения. Люди замечали случаи, когда прививки давали побочный эффект или даже приводили к заболеваниям, от которых призваны были защищать, и объясняли это происками врачей-вредителей². Бытовали представления о том, что прививки — способ умерщвления пациентов и что «привить» можно что угодно: врачи-евреи «могут привить какую-нибудь заразу или отправить на тот свет раньше времени»³. В разных регионах, от Москвы до Дагестана, отмечались массовые отказы от приви-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 602. Л. 55, 36, 22, 25.

² Там же. Л. 37.

³ ГАКО. Ф. 5. Оп. 5. Д. 1774. Л. 17, цит. по: [Мицель 2003: 148].

вок: «[М]ногие рабочие заявляют, что никаких прививок они себе делать не будут», потому что «врачи-евреи могут этими прививками нас уничтожить»¹, и после реабилитации врачей медики вздохнули с облегчением: «Раньше прививки население не давало делать, а теперь нам, врачам, легче будет работать»². Прививки, как известно, касаются хотя и не исключительно, но преимущественно детей, и таким образом фобия прививок становится одной из причин настойчивого представления детей в качестве жертв в слухах вокруг «дела врачей».

В результате сочетания всех этих факторов народное воображение, выраженное в письмах в газеты и иных «откликах», оказалось гораздо радикальнее в своем антисемитизме, чем официальный дискурс, выраженный в прессе.

«Не хватало только обвинить их в ритуальных убийствах»

«Страшнее дела Бейлиса»

В еврейских воспоминаниях о «деле врачей», как письменных, так и устных, нередко встречается сравнение его с кровавым наветом: Эстер Маркиш в своих мемуарах пишет о «ритуальном процессе» [Маркиш 1989], информант восклицает: «Не хватало только обвинить их в ритуальных убийствах!» [Инф. 1] Это сравнение фигурировало и в различных критических откликах того времени — от частных высказываний до публикаций в иностранной прессе, причем чаще всего речь шла не об абстрактном навете, а о реальном и наиболее релевантном для этого времени и места — о деле Менделя Бейлиса 1911–1913 гг. [Маркиш 1989; Инф. 2]. Аналогичные сравнения зафиксированы и в «информациях» о настроениях: «Это дело <...> будет напоминать дело Бейлиса в царской России»³. «Скоро договорятся до употребления евреями русской крови в пищу», — писал анонимный «русский интеллигент» в письме всему руководству государством с копией И.Г. Эренбургу [Альтшулер и др. 1993: 312].

Сравнение с кровавым наветом приходило в голову не только современникам «дела врачей», но и его исследователям. Э. Бемпорад [Bemporad 2012] считает «дело врачей» «интересным превращением обвинения в ритуальном убийстве в советском контексте в секуляризованную форму кровавого навета, без темы Пасхи и предполагаемого использования христиан-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 75, 56.

² ЦГАОУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 2773. Л. 101–105, цит. по: [Мицель 2003: 156].

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 78.

ской крови в маце»¹ [Вепрогад 2012: 355]. В ее статье приводится 4–5 «детских» сюжетов из слухов этого периода, почерпнутых преимущественно из еврейских воспоминаний. В наших источниках слухов, связанных с детьми, гораздо больше, и можно существенно расширить этот список, разбив его на блоки.

Причинение вреда здоровью и умерщвление детей в детских учреждениях. Клязник из Рогачева сообщает: «В детском доме, начальником которого Левин <...> очень большая, необычная смертность детей. Почему? И хоронят детей голыми — издевательство»². Во Фрунзе в детском саду заболело инфекционными болезнями более 60 % детей, «врач Машковский (еврей) на вопрос, когда прекратятся инфекционные заболевания в детском саду, ответил — когда все дети переболеют»³. В Свердловске инфекционные заболевания среди детей и факты массового отравления детей в детских садах объясняются «преднамеренным вредительством евреев, работающих в лечебных учреждениях и торговой сети»⁴. В Таллине ходили слухи, что «в детских яслях и детских садиках обнаружили директиву об истреблении детей»⁵.

Умерщвление или порча новорожденных в роддомах. Бдительные граждане из Астрахани доносят, что в роддоме, «где работала врач Гринберг», за 10 дней умерло 8 новорожденных детей, «а врач Гринберг уволилась с работы и уехала в Москву»⁶. Информанты вспоминают, как евреев обвинили в рождении «ребенка дефективного» [Инф. 3], в том, что «в нашем уродомі дітей омертвляли» [Инф. 4], что киевский гинеколог «убивает младенцев <...> в утробе матери» [Инф. 5]. «Сколько изуверских бредней сейчас широко распространяется — <...> евреи в родильных домах убивают русских младенцев», — сетовал «русский интеллигент» в письме к Сталину [Альтшулер и др. 1993: 312].

Убийство детей врачами-евреями — в контексте лечения таких болезней, как рак и туберкулез: «Мы просмотрели преступную работу врача Кремер, который умерщвлял детей под видом лечения больных раком»⁷, или без уточнения обстоятельств: «Она [соседка] мне сказала такую фразу: “Ведь эти все врачи-евреи умертвляли русских детей”» [Инф. 6].

¹ Здесь и далее перевод мой.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 38.

³ Там же. Л. 56.

⁴ Там же. Л. 111.

⁵ Там же. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 35.

⁶ Там же. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 73.

⁷ Там же. Л. 55.

Внемедицинские убийства детей. Тот же клязник из Рогачева пишет: «Еврейка-учительница повесила домработницу-девочку, а ее оправдали»¹. Информанты вспоминают, как деда, угощавшего детей в парке леденцами, избили со словами: «Ты, жидовская морда, отравляешь наших детей» [Инф. 7], и что ходили «такие досадные, обидные разговоры» о том, «как учителя травят детей, подбрасывают в бачок с водой яд» [Инф. 8].

Бемпорад полагает, что подобные обвинения периода «дела врачей» вытекают из укорененности представлений о ритуальном убийстве в советском обществе, особенно среди урбанизованного, но исходно сельского населения [Bemporad 2012: 359–360]. Однако мне увязывание «дела врачей» с кровавым наветом как таковым² не представляется точным и продуктивным. В наших источниках — в отличие от тех архаичных представлений, которые действительно сохранялись и сохраняются среди сельского населения некоторых регионов [Белова, Петрухин 2008: 228–254; Амосова 2015], — не встречается терминология кровавого навета (хотя она могла бы сохраниться в цензурированных откликах или письмах), нет его функционала — ни ритуального, ни магического. По отношению к ним скорее стоит говорить о структурном сходстве со средневековыми наветами. Работает та же схема — евреи как агенты «большого Зла» (дьявола или Америки) — и делается тот же акцент на детях; они представляются наиболее незащитными и наиболее ценными как залог продолжения рода, гарантия семейного и социального будущего.

Более перспективным кажется применение здесь интерпретационной схемы проективной инверсии, через которую объясняет кровавый навет Алан Дандес. Христиане испытывают чувство вины за каннибализм во время Евхаристии — символического поглощения крови и плоти Христа (еврея) — и инвертируют ее в кровавый навет, инсинуируемое употребление евреями христианской крови [Дандес 2003: 220–228]. Представляется, что верифицировать гипотезу о чувстве вины, испытываемой христианами за причастие, в частности о том, что это чувство «усиливается или доходит до предела» перед Пасхой [Там же: 224], сложно, но то, что кровавый навет — проективная инверсия иного чувства вины, например за небрежное отношение к детям в Средние века, описанное Ф. Арьесом и его последователями [DeMause 1974; Shorter 1975; Stone 1977; Арьес 1999], представляется весьма вероятным. Сюда же

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 38.

² О классических средневековых случаях кровавого навета и различиях между *blood libel* и *ritual libel* см.: [Трахтенберг 1998: 117–147], подробнее о четырех средневековых обвинениях в разных странах и истории изучения кровавого навета см.: [Зеленина 2008–2009].

можно отнести иные средневековые «черные мифы», жертвами в которых выступают дети, например кампанию против Жиля де Рэ, обвинявшегося в педофилии и убийстве детей, и последующее развитие этого сюжета в нарративных источниках и его фольклоризацию в народной памяти [Тогоева 2006: 182–221].

Обвинение евреев в преднамеренном убийстве неевреев путем неправильного лечения, инфицирования или отравления, причем не просто неевреев, а нееврейских детей, могло быть проективной инверсией вины за участие в нацистском геноциде, когда на оккупированных территориях массово убивали взрослых евреев, которых население могло по той или иной причине не любить и потому заглушать свое чувство вины, и детей, очевидно ни в чем не повинных. Скорее речь идет даже не о прямом соучастии в геноциде (полицаев впоследствии искали и наказывали, и их чувство вины, если таковое было, нивелировалось, поскольку они сами становились жертвами преследования), а о попустительстве, бездействии, просто сосуществовании с этим процессом, получении материальных бонусов — занятых квартир и присвоенного имущества. Представление евреев как агрессоров, убийц, покушающихся на жизнь русских, украинских, белорусских, литовских детей, устраняло вину за Холокост и гибель детей еврейских.

Косвенным доказательством подобных мыслей могут выступать утверждения следующего рода: евреи «относятся к нам, русским, с ненавистью»¹. В качестве же прямого доказательства этой схемы, релевантной прежде всего для жителей регионов, бывших под немецкой оккупацией, приведем анонимный донос в ЦК КПСС из Одессы:

[В] Одессе имеется подпольная еврейская буржуазно-националистическая организация, которая ставит своей целью уничтожение советской власти, оказание всемерной помощи англо-американцам в случае возникновения войны против Советского Союза. Осенью 1949 года, в день одного из еврейских праздников, еврейские националисты дали клятву отомстить русскому и украинскому народам, якобы за то, что во время второй мировой войны русские и украинцы были виновными в массовом уничтожении евреев гитлеровцами. Достоверно правильно и то, что эта организация получила от иностранного государства на развитие вредительской деятельности около 35 млн долларов. Связь с зарубежным центром поддерживается через некоторых работников Одесского отделения Всесоюзной торговой палаты Фурмана И.Я., Галантера, Гохштейна и др. Последние в феврале-марте

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 602. Л. 35.

*1952 года имели связь с командирами пароходов, прибывавших с апельсинами из Израиля*¹.

Конспирологическая тема в слухах периода «дела врачей» представлена и другими сюжетами: от относительно безобидных благотворительных «негласных еврейских организаций» (то есть собственно общин) в Новосибирске, Саратове, Симферополе и Москве и «еврейской националистической группировки» в латвийском телеграфном агентстве, замеченной лишь в семейственности, «легкой наживе» и «дискредитации русских», до «греко-еврейской всеукраинской банды» врачей, фармацевтов и работников «пищевых, торговых и директивных организаций», занимавшейся «завуалированным вредительством, спекуляцией и отравлением честных советских граждан», и теоретизирования, будто кремлевская «шпионская еврейская банда» раскинула свою сеть по всей стране². Некоторые из этих конспирологических сюжетов имеют определенные основания в реальности, по крайней мере в реальности пенитенциарных органов. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. в разных городах Союза разоблачались молодежные антисоветские организации, среди членов многих из них числились евреи. Иногда этим членам-евреям инкриминировались «охаивание» «национальной политики Советского государства» в целом или «клеветнические заявления» конкретно о «политике преследования евреев», как в московском деле Кабо и Брегея или в деле ленинградской Марксистской рабочей партии коммунистов [Мазус 2014: 286, 319, 328]. Иногда же организация целиком классифицировалась как еврейская — самой известной из таких организаций был московский Союз борьбы за дело революции, сочтенный «еврейской антисоветской террористической молодежной организацией» [Там же: 337]. Еврейский компонент подобной подпольной деятельности заметнее в регионах, находившихся под немецкой оккупацией, особенно на Украине, где «сионистские» или «еврейские буржуазно-националистические» молодежные и не только группировки или организации в послевоенные годы были раскрыты в целом ряде городов — Киеве, Львове, Житомире, Жмеринке и др. [Ro'i 2003: 45–50]. Собственно в Одессе в 1951 г. арестовали шестерых евреев — студентов юрфака университета по обвинению в «еврейском национализме», «разжигании национальных предрассудков» и «распространении слухов об антисемитизме со стороны русской национальности».

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 99.

² Там же. Оп. 16. Ед. хр. 605. Л. 2–3; Ед. хр. 602. Л. 68–69.

Более отчетливо «клевета на советский народ» вплоть до со-звучного вышеприведенному доносу обвинения русских и украинцев в убийствах евреев в годы войны инкриминирова-лась одесскому раввину Иосифу Дименту¹. Эти обвинения сложно подтвердить или опровергнуть. Так, свидетель защиты на процессе Димента отрицал, что подобные высказывания раввина имели место [Осипова 2002], а друг одного из осуж-денных студентов-юристов Иосифа Хорола, сидевший с ним в лагере, с его слов описывает «группу еврейских национали-стов» как совершенно невинную студенческую компанию под шуточным, заимствованным из «Двенадцати стульев» самона-званием «малый Совнарком», собиравшуюся для игры в покер [Мельников 2013–2014]. Этого явно недостаточно, чтобы полностью верифицировать анонимный донос из Одессы, но можно предполагать, что, хотя никаких действий в этом на-правлении не совершалось, сама идея мести евреев русским и украинцам за соучастие в нацистском геноциде посещала представителей обеих сторон.

«Недаром их Гитлер колотил»: война как пригодное прошлое

С военным опытом, включающим вину за гибель еврейского населения, следует связывать всю послевоенную еврейскую политику Советского Союза: от поддержки Израиля как иску-пительного жеста до обличения происков сионистских врагов, антисемитских кампаний и замалчивания Холокоста. В свете этих кампаний евреи оказывались недостойными жалости, по-скольку выявлялась их вражеская природа, а их коллективные страдания, наоборот, стирались из общественной памяти. Тем самым главным мучеником и героем войны оставался русский народ, на который «вероломно напала фашистская Германия» и который героически отстоял свою и других народов свободу, а не евреи со своим Бабьим Яром, которых, как стало видно, немцы преследовали вполне заслуженно. Как сказал один то-карь в Орловской области, бывшей под оккупацией, «черти порхатые, недаром их Гитлер колотил»².

В дискурсе «дела врачей» заметную роль играет использование и переосмысление опыта войны. Корни «предательства» вра-чей-вредителей прослеживаются в военном, а то и довоенном времени, и чаемая «простыми русскими людьми» депортация евреев предстает не только коллективным наказанием за пре-ступление кремлевских медиков, но и закономерным итогом предшествующей дефективной жизни этой «недонации» в со-

¹ Архив УСБУ в Одесской обл. Фонд прекращенных дел. Д. 6557-п.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 64.

ветской семье народов — манкирования патриотическим долгом и социального паразитизма. По мысли возмущенных рабочих, неучастие евреев в военных действиях способствовало их социально-профессиональной устроенности и материальному благополучию, обеспечив им легкий старт без конкурентов, честно отправившихся на фронт, и временное преимущество:

Невзгоды и тяжести Отечественной войны вынес на своих плечах русский народ, евреи сидели в кустах, в тылу, наживая капиталы. Сейчас они работают в торговле, обманывают трудящихся, обмеривают, обвешивают рабочих и пытаются еще умерщвлять наших руководителей партии и государства. Если бы наши руководители государства знали настроения рабочего класса, они давно бы изгнали всех евреев в Палестину¹.

Вызывало раздражение также массовое переселение евреев из уничтоженных местечек в крупные города: «[О]чень много евреев приехало после войны в Москву, Ленинград, Киев и осело в этих центрах»; «Ведь от них не продыхнешь — так много их развелось в Москве»². В еврейской памяти подобные мнения сохранились не в текстуальном, а в более ярком, инсценированном виде:

Давали муку, например. Приходили инвалиды с палками: «Жиды! Я иду без очереди! Вон, жиды!» Вот это было. Эти инвалиды были очень агрессивные, им казалось, что евреев на фронте не было [Инф. 9].

То, что евреи обязаны другим советским народам спасением в годы войны, — важная идея в официальном и неофициальном, еврейском и нееврейском дискурсе этого периода. «Трудящиеся евреи», стремящиеся отмежеваться от «врачей-убийц», твердят в своих откликах: «[П]артия Ленина Сталина спасла меня и многих евреев от гитлеровской тирании»; «В годы войны Родина-мать спасла меня от гитлеровских душегубов»³. Та же мысль развернуто формулируется в велеречивом письме еврейской общественности в «Правду», которое, впрочем, так и не было опубликовано [Костырченко 2005: 471]. Этот — официальный — нарратив благодарности за спасение, разумеется, прямо противоположен подпольному, во многом, возможно, воображаемому нарративу мести за соучастие в геноциде или бездействие во время оногo.

Упреки в предательстве вместо ожидаемых благодарности и преданности и расстройство по поводу того, что Гитлер евре-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 21, тж. 5.

² Там же. Л. 21–22.

³ Там же. Л. 48; Там же. Оп. 16. Ед. хр. 602. Л. 44–45.

ев не добил, а мы их спасли и, как выяснилось, зря, накладываясь на официальное обвинение еврейских врачей в пособничестве американским империалистам, «в одном стане» с которыми — «битые гитлеровские генералы, мечтающие о реванше» [Отравители 1953], дают любопытное развитие темы — отождествление самих евреев с фашистами. Это отождествление встречается как на чисто риторическом уровне («они хуже гитлеровцев»¹), так и на идейном, когда евреев (а не украинцев) пытаются представить как коллаборационистов. Например, врача-еврейку обвиняли в том, что она «в период немецкой оккупации производила отбор детей для отправки в Германию»². Эта, казалось бы, абсурдная конструкция опиралась на редко, но все же проводимую в прессе идею о том, что в отличие от еврейского пролетариата еврейская националистическая буржуазия действовала заодно с фашистами, то есть классовая вражда перекрывала национальную.

В еврейских реакциях на «дело врачей» война, а точнее Холокост, служит не менее *пригодным* прошлым (*usable past*), скорее даже более. Жупел «гитлеризма» широко используется как в синхронных описаниях, так и в ретроспективных. Авторы анонимных еврейских писем в ЦК требуют «прекратить гнусную антисемитскую кампанию», прибегая к принципу исторической аналогии: «дело врачей» якобы «воскрешает в памяти всех честных людей проклятого Гитлера»³. Корреспондентке Эренбурга антисемитская кампания в газете «Советская Молдавия» напоминает румынскую фашистскую прессу [Альтшулер и др. 1993: 308]. «Дело врачей» осмысляется как повторение Холокоста или трагедия равного масштаба, как очередной *хурбн*, «разрушение», «катастрофа», в еврейской истории: «Тринадцатое января 1953 года <...> навсегда сохранится в памяти еврейского народа наряду с другими черными датами еврейской истории — разрушением Первого храма, вавилонским пленением <...> и гитлеровским Холокостом» [Этингер 2001: 64].

«Кровь за кровь!»: мученичество и месть

Если рассматривать «дело врачей» как реакцию в том числе на военный опыт, выстраиваются цепочки мученичества и мести — из нескольких звеньев, реальных и присутствующих только в нарративах.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 43.

² Там же. Л. 111.

³ Там же. Л. 106.

Сначала мучениками предстают евреи, истреблявшиеся немцами, но после преступления «врачей-вредителей», актуализировавшего заодно память о других «вредителях» той же нации, евреи теряют свой мученический ореол. Офицеры ГлавПУРа Советской Армии пишут открытое письмо в «Правду» «Почему вы отмалчиваетесь, тов. Эренбург?», где обвиняют писателя, недавно удостоенного Сталинской премии «За укрепление мира между народами», в том, что он изображает евреев только «мучениками фашизма» и героями войны, в то время как на самом деле они предатели, из их народа вышли меньшевики, бундовцы, Каплан, Троцкий, Зиновьев и Каменев, Сланский и врачи¹. Пьедестал мученичества занимают «убиенные» «горячо любимые» народом деятели: Жданов и Щербаков, Горький и Куйбышев (перечисленные в передовице «Правды» от 13 января), в народной фантазии — Ленин², потом Сталин, а также русский народ, проливавший кровь за предателей, «отсиживавшихся в кустах». Но через три месяца евреев-врачей реабилитируют, и мучениками оказываются уже они — невинные, заведомо ложно оговоренные и пострадавшие от «недопустимых методов следствия». Вместе с кремлевскими врачами страдальцами выступают советские евреи в целом, потерпевшие от увольнений и дискриминации другого рода, понесшие моральный ущерб от обвинений, слухов, оскорблений.

Но не все были довольны реабилитацией и тем, что евреи вместо какой-нибудь позорной нашивки опять удостоились мученического венца. Их мученичество подвергается сомнению как негероическое, в отличие от мученичества партизан и других героев войны, и евреи все равно остаются «трусами, лжецами» и «мелкими душонками», а подлинными мучениками и героями называются «простые» русские люди³.

Параллельно истории мученичества разворачивается история мести. Тема мести задана в официальном дискурсе — отсылкой к гоголевской «Страшной мести» в статье «Отравители»: «Колдун из гоголевской повести получил заслуженное возмездие. Священный гнев и беспощадная кара советского народа обрушатся на банду врачей-отравителей» [Отравители 1953]. И гнев обрушился. В украинских откликах зафиксирована традиционная формулировка «кровь за кровь!» [Мицель 2003: 135], и абсолютное большинство прочих откликов содержит призывы к мести и наказанию — к различным чудовищным видам

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 602. Л. 11.

² Из откликов на Кузбассе: «Евреи являются виновниками убийства Ленина и других наших вождей» [Генина 2003: 120].

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 12.

казни врачей (посадить на кол, повесить на ржавой проволоке и пр.) и к депортации всех евреев.

Евреи, в свою очередь, мстят в воображении. Одним из актов такой виртуальной мести можно назвать ложные воспоминания о гибели Л.Ф. Тимашук — подстроеной автокатастрофе или расстреле, что в общем-то является доведением до логического конца по лекалам эпохи истории с ее вознесением и падением.

Более серьезной виртуальной мезтью была смерть Сталина, разными способами увязываемая с «делом врачей».

Лояльные граждане, судя по откликам, заранее опасались того, что еще не раскрытые «убийцы в белых халатах» покусятся на жизнь вождя: «Сердце замирает от тревоги за нашего любимого отца и учителя»¹. Письма трудящихся, поступившие в ЦК после смерти Сталина, изобилуют обвинениями евреев в смерти вождя: «простая советская гражданка» москвичка Бочарова утверждает, что «проходимец еврей Виноградов» «привил товарищу Сталину гипертонию», рабочий из Мелитополя, плача, утверждает, что смерть Сталина — дело рук «еврейского гнезда, протянувшего свои щупальца в Кремль»².

В еврейской памяти произошла контаминация собственно «дела врачей» — убийц Жданова и Щербакова и не получивших официальной санкции народных обвинений врачей-евреев в умерщвлении Сталина. Гигантская фигура Сталина затмила Жданова и всех прочих, став главной жертвой кремлевских профессоров: «Врачей я помню. И плевали в морду, и говорили, что они отравили в 53-м Сталина» [Инф. 10; также: Инф. 9; 11; 12; 13].

Другая версия, напротив, указывает на отсутствие врачей как причину смерти Сталина и высказывается прежде всего самими врачами, хотя и не исключительно ими. Основная линия, которую подробно излагает в своих мемуарах Я.Л. Рапопорт, сводится к тому, что Сталин умер, потому что лучшие специалисты, которые были способны его спасти, сидели в тюрьме [Рапопорт 2003: 146–147].

После XX съезда партии еврейская пресса излагала слух, распространенный среди коммунистов Восточной Европы и якобы восходящий к рассказу Хрущева, прозвучавшему на узком партийном заседании, или рассказу советского посла в Поль-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 602. Л. 42.

² Там же. Л. 108. Ходили также слухи о том, будто к смерти Сталина причастна мифическая жена вождя и родственница Л.М. Кагановича Роза Каганович; см. о ней: [Архипова 2013: 24–25].

ше Пономаренко: Сталин собрал своих сподвижников и рассказал о плане депортации всех евреев, Микоян, Молотов и Ворошилов резко воспротивились, Сталин так разозлился, что его хватил удар, от которого он уже не оправился [Stalin Reported 1956; Stalin's Plan 1957]. Еврейское телеграфное агентство (ЖТА) вряд ли принимает этот рассказ на веру, но тем не менее перепечатывает его: помимо подтверждения слухов о проекте депортации в нем есть элемент сладкой мести, тем более комфортной, что это опять месть чужими руками.

Самая же благообразная месть — это кара свыше. С конца XX в. в еврейских, равно как и антисемитских источниках [Этингер 2001: 177; Лугов 2004] нередко встречается утверждение, что Сталин умер в еврейский праздник Пурим¹ и его смерть стала пуримским чудом, как казнь Амана, архетипического врага Израиля. Однако ни в синхронных событиям источниках, ни в гораздо более поздних воспоминаниях четкой аналогии с Пуримом мы не встречаем. Есть редуцированная характеристика смерти Сталина как чуда (*анес*) [Инф. 14], есть расплывчатая ссылка на традицию: «[О]н сдох к этому времени, Сталин, в 1953 году. Говорят, кто начинает с евреями, тот в конце концов, есть такое поверье...» [Инф. 15]. В одной из украинских «информаций о реагировании на смерть Сталина» был зафиксирован следующий рассказ:

В дни, когда И.В. СТАЛИН находился в состоянии тяжелой болезни, работник СМУ-5 ДОБРЯНСКИЙ в узком кругу лиц <...> рассказал следующее: «У нас когда-то, по писанию нашей еврейской истории, был один царь, который хотел уничтожить евреев, звали его Аман, так теперь в столице Израиля евреи вышли с плакатами проклятий, на которых носили Амана, Гитлера и Маленкова. <...> Нужна война, которая спасет евреев, эта война будет весной 1953 года и начнет ее Америка»².

Благодаря упоминанию Амана (сконтаминированного с Артаксерксом) этот рассказ относится к «пуримской» группе, хотя Сталин в роли Амана заменен Маленковым и надежда возлагается не на смерть Сталина-Амана как «локальный Пурим», а на Америку. Последнее не является изобретением Добрянского: слухи о скорой войне с Америкой, которая положит конец советской власти, и ожидания этой войны как спасения были распространены среди заключенных лагерей [58¹⁰ 1999: 14, 15].

¹ На самом деле Пурим в 1953 г. выпал на 1 марта, когда со Сталиным случился удар, а умер он 5 марта.

² ЦГА00У. Ф. 1. Оп. 24. Д. 2743. Л. 4–11, цит. по: [Мицель 2003: 154].

И, наконец, хронологически наиболее удаленная от «дела врачей», совершенно бескровная, зато собственноручная («собственноручная») месть — это отъезд еврейских врачей в 1990-е гг., который отчасти воспринимается как запоздалое наказание нееврейскому населению за недоверие к еврейским врачам и участие в антисемитской кампании 1953 г. — «ценят, когда теряют» [Инф. 14; 5].

Профессора-евреи vs жанны д'арк: размежевание и консолидация

«Тощий народ» против «жирного народа»

В откликах на «дело врачей» явственно вырисовывается противостояние двух групп: социальные и гендерные «низы» поднялись против социальных и гендерных «верхов»¹. Простые, бедные, честные, русские люди (и примкнувшие к ним «честные евреи»), советские патриоты, руководствующиеся чувством (прежде всего — любви к родине), активной частью которых являются женщины, противостоят статусным, высокопоставленным, ученым, богатым, хорошо устроенным, продажным евреям, связанным с границей, руководствующимся разумом и расчетом, мужчинам.

Острое недовольство сложившимся положением видно в призывах прекратить засилье евреев на важных позициях и нивелировать социальное неравенство или даже инвертировать его:

Мы ставим вопрос убрать всех евреев с работы пищевого блока, торговой сети, со снабженческих работ и направить всех евреев на добычу угля <...> пусть они работают так же, как русские рабочие.

У нас достаточно теперь грамотных людей, чтобы заменить их места в магазинах, больницах, парикмахерских и местах общественного питания².

Любопытная деталь в символическом оформлении этого противостояния состоит в том, что олицетворением «низов» дважды оказывается Жанна д'Арк — крестьянская девушка, спасшая Францию в годы Столетней войны. Первая Жанна д'Арк — это Л.Ф. Тимашук: «Это было почти религиозное преклонение перед этой “великой дочерью русского народа”, как ее в ту пору величали в печати. Ее сравнивали с Жанной Д'Арк, она — спасительница родины от заклятых врагов» [Рапопорт 2003: 66].

¹ О формировании подобной социальной оппозиции в ходе кампаний второй половины 1930-х гг. см.: [Davies 1997].

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 602. Л. 43; Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 5.

Образ патриотки Тимашук, разоблачившей профессоров-убийц, муссировался в прессе неадекватно ее истинной роли в «деле врачей», и такой она и осталась в восприятии как неевреев, так и евреев. А в месяцы кампании образ Тимашук притягивал «простых советских женщин»: они пишут ей письма, они пишут о ней статьи [Кононенко 1953; Чететкина 1953].

Жанной д'Арк также называли другую простую русскую девушку — Зою Космодемьянскую [Harris 2011: 302; Платт 2013]. Казалось бы, какое отношение к евреям-врачам имеет Зоя Космодемьянская? В сводке откликов на апрельское сообщение о невинности группы врачей приведены три случая (возможно, их было больше), когда авторы писем, апеллируя к газетной фразе о «недопустимых методах следствия», вынудивших врачей оговорить себя, сравнивают врачей с героями войны, молчавшими под пытками и не проронившими ни слова, причем дважды — с комсомольцами-героями Зоей Космодемьянской и Лизой Чайкиной:

Все равно это — низкие и подлые люди. Неужели их мучили так, как мучили девочку Зою или Лизу Чайкину. <...> Да убейте меня и кого угодно, по-настоящему истинного человека, да никогда с моих уст не сорвалось бы это чудовищное признание. Все равно, они — трусы, лжецы и малодушные люди. <...> Пугливые, мелкие их душонки заставили волноваться и горевать миллионы честных советских граждан. <...> Что же тут героического, <...> если они под влиянием каких-то методов могут сами на себя наговорить всякую неправду? Как же наши простые люди стояли за правду и молчали, когда им выжигали звезды на теле, или отрезали части тела. Они не говорили ничего¹.

Евреи, таким образом, теряют свой венец мучеников, а также проигрывают «простым русским людям» состязание, «социалистическое соревнование», за звание «по-настоящему истинного человека» и патриота.

Эта картина — размежевание на два лагеря, борьба и соревнование между ними — складывается в основном на материале откликов. Но еврейские воспоминания также поддерживают это бинарное противопоставление — тем, что подчеркивают, будто в «дело врачей» верило только «быдло», «малограмотные мужики», «чурбаны» [Инф. 16; 17; 18], а интеллигенция, «люди образованные» не верили. Соответственно, сами евреи, как люди образованные и рациональные, дистанцируются от народа — «наивного», верящего во всякие небылицы. На ту же дихотомию работает гипотеза о том, что «дело врачей» поддер-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 9–10, 12, также 43.

живали всякие «серости» из зависти — чтобы скинуть еврея и занять его место [Инф. 19].

Страх и ненависть в семье народов

«Дело врачей» — время огромного эмоционального напряжения, как действительного, так и декларируемого накала чувств с обеих сторон. Рабочие во время читок на предприятиях, как шаблонно сообщается, «высказывали слова гнева и возмущения»¹, в иных письмах и откликах эти эмоции разнообразились «презрением», «ненавистью», «гадливостью», «жуткой болью» и наполняющим сердце «негодованием». Примечательно, что определенный процент населения считал нужным о своих «правильных» чувствах заявить, конструируя тем самым *общество лояльно чувствующих*.

Евреи, со своей стороны, тоже испытывали сильные чувства, как многие информанты их определяют, «переживания» («переживали не дай бог») и «страхи», которые иногда приводили к соматическим последствиям, что заметили даже партийные информаторы: «Из многих партийных организаций города поступают сообщения о том, что часть еврейского населения болезненно восприняла сообщение об аресте группы врачей-вредителей и что дело доходит в отдельных случаях вплоть до физических заболеваний»². В интервью упоминаются инфаркт, помешательство, близость к самоубийству [Инф. 20; 21; 22]. Даже в письмах в «Правду» после сообщения от 4 апреля несколько осмелевшие евреи («подписываться хотят все собравшиеся, но многие еще боятся») среди упреков властям за увольнение и газетам за антисемитские фельетоны жалуются на «психологическую травму», полученную в эти месяцы³.

В этом состоянии эмоционального напряжения и конфликта двух сторон происходит консолидация внутри этих лагерей. «Простые русские люди» объединяются, выступая против врага, оборотной стороной их ненависти к нему оказывается любовь к советской власти. Зачастую это так — подряд — и формулируется: «Коллективы предприятий <...> направили в райком КПСС специальные письма, в которых выражают свою любовь и преданность Коммунистической партии <...> и требуют применить к врачам-отравителям самую высокую меру наказания»⁴. Трудящиеся обещают «еще теснее сплотить-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 1.

² ГАЛО. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 598. Л. 6–9, цит. по: [Мицель 2003: 151].

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 36–37.

⁴ Там же. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 8–9.

сы вокруг партии и ее вождя» [Чечеткина 1953], а также вокруг Тимашук, метафорическое родство с которой способствует народной консолидации: «Лидия Феодосьевна стала близким и дорогим человеком для миллионов советских людей», «нам всем сейчас стала родной», она — «дочка родины», «дочь своего народа» [Там же; Кононенко 1953].

«Меньшие за больших и одни за других»

Евреев эффективно консолидировали извне, навязывая им концепт коллективной ответственности. Идея общенациональной ответственности проявлялась как в требованиях казни для всех евреев (или хотя бы депортации) за преступление врачей, так и в повседневном общении, когда собеседники ассоциировали евреев с кремлевскими врачами, связывали их узами фиктивной дружбы или родства или непроговариваемой национальной общности. К примеру, в Хабаровске выгнали еврейку из очереди со словами: «Куда лезешь без очереди? Не читала разве, как ваш брат вредительством занимается? Ишь придумали, мерзавцы, умертвлять руководителей советской власти! Пошла вон!»¹

Некоторые «простые честные евреи» соглашались с этим, по крайней мере писали в газеты о своей готовности искупать вину своих «ученых» собратьев:

Я, еврейка Левина Песя-Рахиль Хаимовна, 1892 г.р. <...> с гадливостью, с жуткой болью прочла сегодня сообщение об ученых-евреях <...> Неужели среди людей моего народа могут быть такие рабы, халуи, низкопробные существа без светлых идей и совести. Что делать, чтобы смыть этот позор? Я готова даже умереть².

Другие не соглашались, требовали «различать презренную кучку вырожденков, потерявших человеческий облик, от всего еврейского народа» и протестовали против самого принципа коллективной ответственности: «Есть среди патриотов и единичные мерзавцы в каждой нации; так почему должна страдать вся еврейская нация, если попадаютя отщепенцы, носящие только еврейские фамилии?»³

Навязываемая идея коллективной ответственности, общее положение гонимых и общие страхи трансформировались у многих евреев в сознание, во-первых, национальной принадлежности и, во-вторых, необходимости национального единения:

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 78.

² Там же. Оп. 16. Ед. хр. 602. Л. 31–32.

³ Там же. Л. 30, 51–52.

«Национальное самосознание, знаете, я бы сказал, взрывом вошло в меня. И вошло оно в меня после “дела врачей”. Я тогда понял, что евреи, они могут что-то из себя представлять только в случае, если они будут едины» [Инф. 23].

«Дело врачей» было или запомнилось моментом эмоционального обретения национальной идентичности, разумеется, «негативной». Это не единственно возможная точка отсчета — для кого-то таковой послужило пребывание на оккупированных территориях. Некоторых, впрочем, подобный опыт уверил в необходимости полнейшей ассимиляции, так что и сам опыт (при поверхностном сходстве), и реакции на него очень разнятся.

«Простые русские люди» тоже в этот момент начинают видеть в евреях нацию и очень этим недовольны: «Нас все время учили, что евреи — не нация и мы верили, что наши евреи действительно являются частью русской нации»¹. Таким образом, «дело врачей» оказывается моментом (или одним из моментов) возрождения советской еврейской нации — как с внутренней, так и с внешней точки зрения.

Заключение

Вернемся к нашему титульному вопросу об истоках и функциях слухов и настроений во время «дела врачей».

Слухи вокруг «дела врачей», на наш взгляд, порожились следующими факторами или их совокупностью: заданным официальным дискурсом тревожностью и бдительностью, дефицитом дальнейшей информации по основному сюжету, кроме собственно вводной новости, подогреванием недовольства евреями через антисемитские публикации, а также воздействием иных фобий: вредительства, бактериологической войны, призывов.

Можно выделить три основные функции слухов, толков и настроений еврейского и нееврейского населения в этот период.

Первая функция, функция контента слухов — это проведение идеи компенсации, или мести. Компенсация может быть прямой — как в требованиях казни или депортации евреев или «чисток» в «теплых местах» (больницах, редакциях, торговых и снабженческих органах) с направлением на тяжелые работы в наказание за преступление врачей-убийц, за манкирование евреями своим долгом в годы войны, за длительную нелояль-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Л. 13.

ность советской власти, в отместку за социальное и профессиональное неравенство. Также компенсация может быть проективной — как в случае интерпретации преступления кремлевских врачей и преступлений на местах (заговоров, убийств детей) как ненависти к русскому народу и мести ему за участие в геноциде или за иные антисемитские действия. Тем самым «простые советские люди» освобождают себя от какого-либо чувства вины и получают моральную возможность призывать к прямой компенсации. И наконец, компенсация бывает воображаемой и вторичной: евреи компенсируют свою «психологическую травму» от «дела врачей» смертью Сталина, «расстрелом» Тимашук и позднейшей эмиграцией врачей-евреев.

Вторая функция — функция не содержания, а практики слухов и переживаний — состоит в размежевании двух групп, «простых советских людей» и «ученых-евреев», и консолидации внутри этих групп.

Третья функция — функция не самих слухов, а рефлексии над ними — терапевтическая и апологетическая. Евреи описывают обвинения в свой адрес как совершенно абсурдные («отравили вату», «привили рак»), подчеркивая их алогичность сравнением с явлениями из «мракобесного» средневековья (охотой на ведьм, кровавым наветом), и обусловленные невежеством или завистью обвинителей. Соответственно, обвинители предстают в еврейской рефлексии как социально и/или культурно низшая группа, а сами евреи утверждают свою невиновность и превосходство.

Список сокращений

- АИИ ЕСУ — Коллекция интервью «Еврейские судьбы Украины». Архив Института иудаики (Киев)
- АИИ ПГ — Коллекция «Проект Гительмана». Архив Института иудаики (Киев)
- АИИ СЕВ — Коллекция интервью «Свидетели еврейского века». Архив Института иудаики (Киев)
- АИИ Спилберг — Коллекция «Расшифровка интервью Спилберга». Архив Института иудаики (Киев)
- ГАКО — Государственный архив Киевской области
- ГАЛО — Государственный архив Львовской области
- РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
- УСБУ в Одесской обл. — Управление Службы безопасности Украины в Одесской области
- ЦГАООУ — Центральный государственный архив общественных организаций Украины

Архивные материалы

- Архив УСБУ в Одесской области. Фонд прекращенных дел. Д. 6557-п. Следственное дело Димента И.Ш. 1953 г.
- ГАКО. Ф. 5. Оп. 5. Д. 1774. Политинформация о реагировании населения Печерского района г. Киева на арест группы врачей-убийц. 1953 г.
- ГАЛО. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 598. Политинформация об отзывах трудящихся г. Львова на сообщение об аресте врачей-вредителей. 1953 г.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Ед. хр. 407. Информации отдела, сектора партийной информации и местных партийных органов об откликах на сообщение о злодеяниях группы врачей-вредителей. 1953 г.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 602. Текст сообщения «Хроника. Арест группы врачей-вредителей», сводки писем читателей газет «Правда», «Известия», «Труд», «Комсомольская правда», «Медицинский работник». 1953 г.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 605. Записки, сводки и информации по поводу работы ТАСС. 1953 г.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 5. Записки, сводки и информации ЦК КПСС Украины, Московского городского комитета партии и редакции газеты «Правда» об откликах трудящихся в связи с опубликованием сообщения МВД СССР по делу группы врачей. 1953 г.
- ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 2743. Информационное сообщение о реагировании работников Юго-Западной железной дороги на смерть И.В. Сталина. 1953 г.
- ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 2773. Информация о высказываниях трудящихся УССР в связи с сообщением МВД СССР. 1953 г.

Источники

- 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953—1991: Аннотированный каталог / Сост. О.В. Эдельман, Э.Ю. Завадская, О.В. Лавинская; под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. (Россия. XX век. Документы). 944 с.
- Ардаматский В.* Пиня из Жмеринки // Крокодил. 1953, 20 марта. № 8.
- Буренков М., Титаренко Н.* Простак и проходимец // Правда. 1953, 7 февр.
- Кононенко Е.* Патриотка Лидия Тимашук // Медицинский работник. 1953, 24 февр.
- Лугов Ш.* «Дело врачей», или Пурим 1953 года // Время Мошиаха. 2004, 25 февр. <http://www.moshiach.ru/moshiach/do/530_5_15.html>.
- Маркиш Э.* Столь долгое возвращение... Воспоминания. Тель-Авив: Изд. автора, 1989. 380 с. <http://www.imwerden.info/belousenko/books/markish/markish_dolgoe_vozvr.htm>.
- Отравители // Крокодил. 1953, 20 янв. № 2.

- Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Правда. 1953, 13 янв.
- Простофили // Ленинградская правда. 1953, 1 февр.
- Рапопорт Я.Л.* На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2003. 280 с.
- Семенов М.* Сапоги со скрипом // Правда. 1953, 11 февр.
- Четкина О.* Почта Лидии Тимашук // Правда. 1953, 20 февр.
- Этингер Я.Я.* Это невозможно забыть: Воспоминания. М.: Весь мир, 2001. 272 с.
- American Jewish Press Compares Stalin to Hitler // Jewish Telegraphic Agency. 1953, January 15. <<http://www.jta.org/1953/01/15/archive/american-jewish-press-compares-stalin-to-hitler>>.
- Drive against Jewish Doctors Started in Soviet Byelorussia // Jewish Telegraphic Agency. 1953, January 26. <<http://www.jta.org/1953/01/26/archive/drive-against-jewish-doctors-started-in-soviet-byelorussia>>.
- Leading U.S. Newspapers Condemn Soviet Charges Against Jews // Jewish Telegraphic Agency. 1953, January 15. <<http://www.jta.org/1953/01/15/archive/leading-u-s-newspapers-condemn-soviet-charges-against-jews>>.
- Soviet Anti-Jewish Campaign Reveals Insecurity, State Dept. Says // Jewish Telegraphic Agency. 1953, January 14. <<http://www.jta.org/1953/01/14/archive/soviet-anti-jewish-campaign-reveals-insecurity-state-dept-says>>.
- Stalin Reported to Have Planned Herding Soviet Jews into a “Pale” // Jewish Telegraphic Agency. 1953, April 17. <<http://www.jta.org/1956/04/17/archive/stalin-reported-to-have-planned-herding-soviet-jews-into-a-pale>>.
- Stalin’s Plan to Deport All Russian Jews Confirmed by Soviet Envoy // Jewish Telegraphic Agency. 1957, June 10. <<http://www.jta.org/1957/06/10/archive/stalins-plan-to-deport-all-russian-jews-confirmed-by-soviet-envoy>>.
- Trial of Nine Soviet Doctors Starts Today in Moscow // Jewish Telegraphic Agency. 1953, February 2. <<http://www.jta.org/1953/02/02/archive/trial-of-nine-soviet-doctors-starts-today-in-moscow>>.

Библиография

- [Альтшулер и др. 1993] Советские евреи пишут Илье Эренбургу, 1943–1966. = Soviet Jews Write to Ilya Ehrenburg, 1943–1966 / Под ред. М. Альтшулера, И. Арада, Ш. Краковского. Иерусалим: Центр по исслед. и документации Восточно-европ. еврейства Еврейск. ун-та в Иерусалиме; Яд ва-Шем; Нац. ин-т памяти жертв нацизма и героев сопротивления, 1993. 539 с.
- Амосова С.* «...Тогда должен знать, что брали кровь и катали»: рассказы о кровавом навете в Биржае // Евреи на карте Литвы: Биржай / Отв. ред. И.В. Копченова. М.: Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2015. С. 142–151.

- Архипова А.С.* К чему снится Сталин: отец народов как мифологический персонаж // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: Сб. ст. / Сост. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 18–30.
- Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 416 с.
- Белова О.В., Петрухин В.Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2008. (Библиотека Евроазиатского Еврейского конгресса). 569 с.
- Брент Д., Наумов В.* Последнее дело Сталина. М.: Проспект, 2004. 348 с.
- Вахштайн В.* К теории подозрения // ПостНаука. 2014, 2 апр. <<http://postnauka.ru/longreads/24674>>.
- Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Пер. с англ. А.В. Бардина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. (История сталинизма). 367 с.
- Генина Е.С.* Отголоски «дела врачей» в Кузбассе (1953 г.) // Ксенофобия: История. Идеология. Политика: Сб. ст. / Под ред. К.Ю. Бурмистрова, Р.М. Капланова, В.В. Мочаловой. М.: Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2003. С. 118–130.
- Дандес А.* «Кровавый навет», или Легенда о ритуальном убийстве: антисемитизм сквозь призму проективной инверсии / Пер. и комм. А.А. Панченко // А. Дандес. Фольклор: семиотика и/или психоанализ / Сост. А.С. Архипова. М.: Восточная литература, 2003. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). С. 204–230.
- Зеленина Г.* Кровь за кровь, миф за миф: Наветы и ответы // Лехаим. 2008. № 11. С. 25–30; № 12. С. 19–23; 2009. № 1. С. 42–46.
- Зорин А.Л.* Проза Л.Я. Гинзбург и гуманитарная мысль XX века // Новое литературное обозрение. 2005. № 76. С. 45–68.
- Зубкова Е.Ю.* Мир мнений советского человека 1945–1948 гг. // Отечественная история. 1998. № 3. С. 25–39; № 4. С. 99–108.
- Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 230 с.
- Иоффе Б.* Особо секретное задание // Новый мир. 1999. № 5. С. 144–155; № 6. С. 161–172.
- Кимерлинг А.С.* Террор на излете. «Дело врачей» в уральской провинции. Пермь: Пермский гос. ин-т искусства и культуры, 2011. 163 с.
- Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003. 784 с.
- [Костырченко 2005] Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Сост. Г.В. Костырченко. М.: Материк, 2005. 592 с.

- Локин А.* «Дело врачей»: отклик трудящихся // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1(5). С. 52–62.
- Луман Н.* «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 100–117.
- Медведев Ж.А.* Сталин и еврейская проблема: Новый анализ. М.: Права человека, 2003. 288 с.
- Мельников В.* Пятьдесят лет вместе: памяти Иосифа Хорола / Предисл. Л. Камень // Еврейская старина. 2013. № 4(79). <<http://berkovich-zametki.com/2013/Starina/Nomer4/VMelnikov1.php>>; 2014. № 1(80). <<http://berkovich-zametki.com/2014/Starina/Nomer1/VMelnikov1.php>>.
- Мицель М.* Зима 1953 года в Киеве и на Украине: с гневом и возмущением // Ксенофобия: История. Идеология. Политика: Сб. ст. М.: Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2003. С. 131–159.
- Осинова И.И.* Хасиды: «Спасая народ свой»: История хасидского подполья в годы большевистского террора. М.: Формика-С, 2002. 293 с.
- Платт Б.Дж.* Зоя Космодемьянская между истреблением и жертвоприношением / Пер с англ. О. Михайловой // Новое литературное обозрение. 2013. № 6(124). С. 54–78.
- Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926–1953 гг.): Справочник: К истории молодежного сопротивления большевизму / Сост. И.А. Мазус при участии Е.И. Мазус и Н.Н. Михалевой; отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Возвращение: Гос. музей ГУЛАГа, 2014. 368 с.
- Слухи в истории России XIX–XX веков. Неформальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: Сб. ст. / Отв. ред. И.В. Нарский. Челябинск: Каменный пояс, 2011. 368 с.
- Смиловицкий Л.* Дело врачей в Белоруссии: политика властей и отношение населения (январь–апрель 1953 г.) // Репрессивная политика советской власти в Беларуси: Сб. науч. работ / Сост. И. Кузнецов, Я. Басин; науч. ред. В.П. Андреев. Минск: Мемориал, 2007. Вып. 2. С. 269–314.
- Тогова О.И.* «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М.: Наука, 2006. 333 с.
- Трахтенберг Дж.* Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом / Пер. с англ. Л. Кациса, О. Беловой. М.; Иерусалим: Гешарим, 1998. 294 с.
- Утехин И.В.* Очерки коммунального быта. 2-е изд., доп. М.: ОГИ, 2004. 277 с.
- Фатеев А.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 261 с.
- Фрейдин Ю.* Дело врачей (по воспоминаниям подростка 50-х) // Ксенофобия: История. Идеология. Политика: Сб. ст. / Под ред. К.Ю. Бурмистрова, Р.М. Капланова, В.В. Мочаловой.

- М.: Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2003. С. 183–190.
- Фурсенко А.А.* Конец эры Сталина // Звезда. 1999. № 12. С. 173–188.
- Чарный С.* «Выслать всех... в Палестину!» Отклики на арест врачей-вредителей // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга: Сб. ст. / Отв. ред. О.В. Белова. М.: Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2003. С. 484–490.
- Allport G.W., Postman L.J.* The Psychology of Rumor. N.Y.: Henry Holt, 1948. 247 p.
- [Altshuler 1997] More about Public Reaction to the Doctors's Plot (in Ukraine): Documents / Ed. by M. Altshuler // Jews in Eastern Europe. 1997. No. 2(30). P. 24–57.
- Bemporad E.* Empowerment, Defiance, and Demise: Jews and the Blood Libel Specter under Stalinism // Jewish History. 2012. Vol. 26. Is. 3–4. P. 343–361.
- Davies S.* “Us against Them”: Social Identity in Soviet Russia, 1934–41 // The Russian Review. 1997. Vol. 56. No. 1. P. 70–89.
- DeMause L.* The Evolution of Childhood // The History of Childhood / Ed. by L. DeMause. N.Y.: Psychohistory Press, 1974. P. 1–73.
- Donovan P.* How Idle is Idle Talk? One Hundred Years of Rumor Research // Diogenes. 2007. Vol. 54. P. 59–82.
- Foster G.M.* Peasant Society and the Image of Limited Good // American Anthropologist New series. 1965. Vol. 67. No. 2. P. 293–315.
- Foster G.M.* Anatomy of Envy // Current Anthropology. 1972. Vol. 13. No. 2. P. 165–202.
- Frank R.* Newslore: Contemporary Folklore on the Internet. Jackson: University Press of Mississippi, 2011. 224 p.
- Harris A.M.* The Lives and Deaths of a Soviet Saint in the Post-Soviet Period: The Case of Zoia Kosmodem'ianskaia // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. 2011. Vol. 53. No. 2–3–4. P. 273–304.
- Lokshin A.* The Doctors' Plot: The Non-Jewish Response // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union / Ed. by Y. Ro'i. Portland, OR: Frank Cass, 1995. P. 157–167.
- Ro'i Y.* The Struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948–1967. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 484 p.
- Shorter E.* The Making of the Modern Family. N.Y.: Basic Books, 1975. XIV+369 p.
- Stone L.* The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800. N.Y.: Harper and Row, 1977. 800 p.

Список информантов

- Инф. 1 — Симон Иосифович Р., 1924 г.р., Таллинн; зап. в 2005 г., там же. АИИ СЕВ.
- Инф. 2 — Ефим Кузьмич П., 1937 г.р., Гомель; зап. в 2002 г., Черновцы. АИИ СЕВ.

- Инф. 3 — Зоя Иосифовна Ш., 1934 г.р., Кишинев; зап. там же, б/д. АИИ СЕВ.
- Инф. 4 — Ирина Онуфриевна М., 1932 г.р., Тернополь; зап. 1997 г., Тернополь. АИИ Спилберг.
- Инф. 5 — Герц Моисеевич Р., 1924 г.р., Киев; зап. в 2004 г., там же. АИИ СЕВ.
- Инф. 6 — Сарра З., 1918 г.р., Вильно; зап. в 1998 г., Москва. АИИ ПГ.
- Инф. 7 — Илья Александрович Р., 1922 г.р., Полтава; зап. в 2002 г., Киев. АИИ СЕВ.
- Инф. 8 — Джемма Моисеевна Г., 1930 г.р., Астрахань; зап. в Киеве, б/д. АИИ СЕВ.
- Инф. 9 — Раиса Липовна С., 1931(?) г.р., Киев; зап. в 2003 г., Черновцы. АИИ СЕВ.
- Инф. 10 — Вера Хаймовна Щ., 1931 г.р., Ровенская обл.; зап. в 1998 г., Ровенская обл. АИИ ЕСУ.
- Инф. 11 — Зинаида Давыдовна Т., 1937 г.р., Киев; зап. в 2002 г., там же. АИИ СЕВ.
- Инф. 12 — Бася Борисовна Ч., 1926 г.р., Киев; зап. в 2001 г., там же. АИИ СЕВ.
- Инф. 13 — Лия К., 1922 г.р., Таллинн; зап. в 2005 г., там же. АИИ СЕВ.
- Инф. 14 — Анна Иосифовна И., 1930 г.р., Шаргород; зап. 2002 г., Черновцы. АИИ СЕВ.
- Инф. 15 — Лия Давидовна Э., 1930 г.р., Таллинн; зап. в 2005 г., там же. АИИ СЕВ.
- Инф. 16 — Ефим Ш., 1934 г.р., Одесса; зап. в 2003 г., там же. АИИ СЕВ.
- Инф. 17 — Иосиф Г., 1926 г.р., Донецк; зап. в 1997 г., США. АИИ ПГ.
- Инф. 18 — Борис Ш., 1933 г.р., Шауляй; зап. там же. АИИ СЕВ.
- Инф. 19 — Марина Владимировна С., 1923(?) г.р.; зап. в 2004 г., Москва. АИИ СЕВ.
- Инф. 20 — Луиза Абрамовна К., 1939 г.р., Халкалаки, Грузия; зап. в Киеве. АИИ ЕСУ.
- Инф. 21 — Альберт Ц., 1920 г.р., Одесса; зап. в 1998 г., Москва. АИИ ПГ.
- Инф. 22 — Леонид Овсеевич П., род. и зап. в Киеве, б/д. АИИ ЕСУ.
- Инф. 23 — Мирон Г., 1923 г.р., Черниговская обл.; зап. в 1998 г., Бостон. АИИ ПГ.
- Инф. 24 — Сура-Дора Н., 1911 г.р., Оргеевская обл.; зап. в 2002 г., Львов. АИИ СЕВ.

“Poisoned Cotton” and “Vaccinated Hypertension”: Origins and Functions of Rumors around the Doctors’ Plot

Galina Zelenina

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, Russia
galinazelenina@gmail.com

The paper examines public sentiments and newslore during the Doctors’ plot (January — April 1953), which remain underestimated and understudied in the historiography of Late Stalinism. The research is based on comparative analysis of three groups of sources: central and regional press, “responses” of the population (both non-Jewish and Jewish) to the arrest of the “killers in white gowns” and to their subsequent rehabilitation three months later, and Jewish memories of this period both in written memoirs and in interviews recorded long after the events. Besides description and classification of rumors and libels, the paper seeks to identify their direct sources and indirect stimuli, as well as to interpret their ideological and social functions and consequences. The newslore of the Doctors’ plot is argued to originate from the amalgam of several factors including artificially generated anxiety coupled with informational vacuum and various collective phobias developed by previous anti-Semitic campaigns and recollections of the war (either of Nazi genocide, or of the Jews “fighting in Tashkent”). Functionality of those rumors includes the feeling of revenge and retribution among non-Jewish haters of Jewish doctors, as well as social separation between “simple Soviet people” and “learned” Jews, and self-apology of the Jews through discrediting the accusations as generated by ordinary people’s ignorance and envy.

Keywords: Doctors’ plot, anti-Semitism, rumours, newslore, Great Patriotic war, Soviet Jewry, blood libel.

References

- Allport G. W., Postman L. J., *The Psychology of Rumor*. New York: Henry Holt, 1948, 247 pp.
- Altshuler M. (ed.), ‘More about Public Reaction to the Doctors’s Plot (in Ukraine): Documents’, *Jews in Eastern Europe*, 1997, no. 2(30), pp. 24–57.
- Altshuler M., Arad I., Krachkovskiy Sh. (eds.), *Sovetskie evrei pishut Ilye Erenburgu, 1943–1966*. = *Soviet Jews Write to Ilya Ehrenburg, 1943–1966*. Jerusalem: Centre for Research and Documentation on East European Jewry at the Hebrew University of Jerusalem; Yad Vashem; National Institute in memoria of the Victims of Nazism and Heroes of the Resistance Movement, 1993, 539 pp. (In Russian).

- Amosova S., “...Togda dolzhen znat, chto brali krov i katali”: rasskazy o krovavom navete v Birzhae’ [“...Then You Should Know That They Rolled and Collected Blood”: Narratives of Blood Libel in Biržai], I. V. Kopchenova (ed.), *Yevrei na karte Litvy: Birzhay* [Jewson the Map of Lithuania: Biržai]. Moscow: Centre for Researches and Judaic Teachers in Institutes of Higher Education “Sepher”, 2015, pp. 142–151. (In Russian).
- Ariès Ph., *Centuries of Childhood. A Social History of Family Life*, transl. from French by R. Baldick. New York: Alfred A. Knopf, 1962, 447 pp.
- Arkhipova A. S., ‘K chemu snitsya Stalin: otets narodov kak mifologicheskii personazh’ [When Stalin Appears in a Dream: Father of Nations as Mythological Figure], A. S. Arkhipova (comp.), *Mifologicheskie modeli i ritualnoe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve* [Mythological Models and Ritual Behavior in Soviet and Post-Soviet Space]: A Collection of Articles. Moscow: Russian State University for Humanities, 2013, pp. 18–30. (In Russian).
- Belova O. V., Perukhin, V. Ya., “Yevreyskiy mif” v slavyanskoy kulture [“Jewish Myth” in Slavic Culture]. Jerusalem: Gesharim; Moscow: Mosty kulturey, 2008, 569 pp. (Library of the Eurasian Jewish Congress). (In Russian).
- Bemporad E., ‘Empowerment, Defiance, and Demise: Jews and the Blood Libel Specter under Stalinism’, *Jewish History*, 2012, vol. 26, is. 3–4, pp. 343–361.
- Brent J., Naumov V., *Stalin’s Last Crime: The Plot Against the Jewish Doctors, 1948–1953*. New York, NY: Harper Collins, 2003, 416 pp.
- Charny S., “Vyslat vseh... v Palestinu!” Otkliki na arest vrachey-vrediteley’ [“To Deport All of Them... to Palestine!” Responses to the Arrest of Doctors-Wreckers], O. V. Belova (ed.), *Svoy ili chuzhoy? Yevrei i slavyane glazami drug druga* [Insider or Alien? Jews Seen by Slavs, Slavs Seen by Jews]: A Collection of Articles. Moscow: Centre for Researches and Judaic Teachers in Institutes of Higher Education “Sepher”, 2003, pp. 484–490. (In Russian).
- Davies S., “Us against Them”: Social Identity in Soviet Russia, 1934–41’, *The Russian Review*, 1997, vol. 56, no. 1, pp. 70–89.
- DeMause L., ‘The Evolution of Childhood’, L. DeMause (ed.), *The History of Childhood*. New York: Psychohistory Press, 1974, pp. 1–73.
- Donovan P., ‘How Idle is Idle Talk? One Hundred Years of Rumor Research’, *Diogenes*, 2007, vol. 54, pp. 59–82.
- Dundes A., ‘The Ritual Murder or Blood Libel Legend: A Study of Anti-Semitic Victimization through Projective Inversion’, *Temenos*, 1989, no. 25, pp. 7–32.
- Fateev A., *Obraz vraga v sovetskoy propagande. 1945–1954 gg.* [The Image of the Enemy in Soviet Propaganda, 1945–1954]. Moscow: IRI RAN, 1999, 261 pp. (In Russian).
- Foster G. M., ‘Peasant Society and the Image of Limited Good’, *American Anthropologist New Series*, 1965, vol. 67, no. 2, pp. 293–315.
- Foster G. M., ‘Anatomy of Envy’, *Current Anthropology*, 1972, vol. 13, no. 2, pp. 165–202.

- Frank R., *Newslore: Contemporary Folklore on the Internet*. Jackson: University Press of Mississippi, 2011, 224 pp.
- Freydin Yu., 'Delo vrachey (po vospominaniyam podrostka 50-kh)' [Doctors' Plot (As Remembered by a Teenager of the 1950s)], K. Yu. Burmistrov, R. M. Kaplanov, V. V. Mochalova (eds.), *Ksenofobiya: Istoriya. Ideologiya. Politika* [Xenophobia: History. Ideology. Politics]: A Collection of Articles. Moscow: Centre for Researches and Judaic Teachers in Institutes of Higher Education "Sepher", 2003, pp. 183–190. (In Russian).
- Fursenko A. A., 'Konets ery Stalina' [The End of Stalin's Era], *Zvezda*, 1999, no. 12, pp. 173–188. (In Russian).
- Genina E. S., 'Otgoloski "dela vrachey" v Kuzbasse (1953 g.)' [Echoes of the Doctors' Plot in Kuzbass (1953)], K. Yu. Burmistrov, R. M. Kaplanov, V. V. Mochalova (eds.), *Ksenofobiya: Istoriya. Ideologiya. Politika* [Xenophobia: History. Ideology. Politics]: A Collection of Articles. Moscow: Centre for Researches and Judaic Teachers in Institutes of Higher Education "Sepher", 2003, pp. 118–130. (In Russian).
- Harris A. M., 'The Lives and Deaths of a Soviet Saint in the Post-Soviet Period: The Case of Zoia Kosmodem'ianskaia', *Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes*, 2011, vol. 53, no. 2–3–4, pp. 273–304.
- Ioffe B., 'Osobo sekretnoe zadanie' [Top Secret Mission], *Novyy Mir*, 1999, no. 5, pp. 144–155; no. 6, pp. 161–172. (In Russian).
- Khristoforov V. S. (ed.), *Podpolnye molodezhnye organizatsii, gruppy i kruzhki (1926–1953 gg.): Spravochnik: K istorii molodezhnogo soprotivleniya bolshevizmu* [Underground Youth Organizations, Groups and Circles (1926–1953)] / Comp. by I. A. Mazus with the assistance of E. I. Mazus and N. N. Mikhaleva. Moscow: Vozvrashchenie: State museum of Gulag, 2014, 368 pp. (In Russian).
- Kimerling A. S., *Terror na izlete. "Delo vrachey" v ural'skoy provintsii* [Before the Very End of the Terror: Doctors' Plot in Ural Province]. Perm: Perm State Institute of Art and Culture, 2011, 163 pp. (In Russian).
- Kostyrchenko G. V., *Taynaya politika Stalina: vlast i antisemitizm* [Stalin's Secret Policy: Power and Anti-Semitism]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003, 784 pp. (In Russian).
- Kostyrchenko G. V. (comp.), *Gosudarstvennyy antisemitizm v SSSR. Ot nachala do kulminatsii, 1938–1953* [State Anti-Semitism in USSR. From the Beginning to the Culmination, 1938–1953]. Moscow: Materik, 2005, 592 pp. (In Russian).
- Lokshin A., "'Delo vrachey": otklik trudyashchikhsya' [The Doctors' Plot: The Working People's Response], *Vestnik Evreyskogo Universiteta v Moskve*, 1994, no. 1(5), pp. 52–62. (In Russian).
- Lokshin A., 'The Doctors' Plot: The Non-Jewish Response', Y. Ro'i (ed.), *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union*. Portland, OR: Frank Cass, 1995, pp. 157–167.
- Luman N., "'Chto proiskhodit?" i "Chto za etim kroetsya?". Dve sotsiologii i teoriya obshchestva' ["What's Going On?" and "What Lies behind

- It?" Two Sociologies and the Theory of Society], *Sotsiologicheskoe Obozrenie*, 2007, vol. 6, no. 3, pp. 100–117. (In Russian).
- Medvedev Zh. A., *Stalin i evreyskaya problema: Novyy analiz* [Stalin and Jewish Problem: A New Analysis]. Moscow: Prava cheloveka, 2003, 288 pp. (In Russian).
- Melnikov V., 'Pyatdesyat let vmeste: pamyati Iosifa Khorola' [Fifty Years Together: In Memoriam of Joseph Horol], foreword by L. Kamen, *Evreyskaya Starina*, 2013, no. 4(79) <<http://berkovich-zametki.com/2013/Starina/Nomer4/VMelnikov1.php>>; 2014, no. 1(80) <<http://berkovich-zametki.com/2014/Starina/Nomer1/VMelnikov1.php>>. (In Russian).
- Mitsel M., 'Zima 1953 goda v Kieve i na Ukraine: s gnevom i vozmushcheniem' [Winter of 1953 in Kiev and in Ukraine: With Anger and Resentment], K. Yu. Burmistrov, R. M. Kaplanov, V. V. Mochalova (eds.), *Ksenofobiya: Istoriya. Ideologiya. Politika*; [Xenophobia: History. Ideology. Politics]: A Collection of Articles. Moscow: Centre for Researches and Judaic Teachers in Institutes of Higher Education "Sepher", 2003, pp. 131–159. (In Russian).
- Narskiy I. V., *Slukhi v istorii Rossii XIX–XX vekov. Neformalnaya kommunikatsiya i "krutye povoroty" rossiyskoy istorii* [Rumors in Russian History of the 19th–20th Centuries. Informal Communication and "Sharp Turns" in Russian History]: A Collection of Articles. Chelyabinsk: Kamennyy poyas, 2011, 368 pp. (In Russian).
- Osipova I. I., *Khasidy: "Spasaya narod svoy": Istoriya khasidskogo podpolya v gody bolshevistskogo terrora* [Hasidim: "Saving One's People": The History of Hassidic Underground in the Days of Bolshevik Terror]. Moscow: Formika-S, 2002, 293 pp. (In Russian).
- Platt B. J., 'Zoya Kosmodemyanskaya mezhdru istrebleniem i zhertvo-prinosheniem' [Zoya Kosmodemyanskaya between Destruction and Sacrifice], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2013, no. 6(124), pp. 54–78. (In Russian).
- Ro'i Y., *The Struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948–1967*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 484 pp.
- Shorter E., *The Making of the Modern Family*. New York: Basic Books, 1975, XIV+369 pp.
- Smilovitskiy L., 'Delo vrachey v Belorussii: politika vlastey i otnoshenie naseleniya (yanvar — aprel 1953 g.)' [Doctors' Plot in Belorussia: Politics of Authorities and Popular Attitude (January — April 1953)], I. Kuznetsov, Ya. Basin (comps.), V. P. Andreev (ed.), *Repressivnaya politika sovetской vlasti v Belarusi* [Repressive Policy of Soviet Power in Belarus]. Minsk: Memorial, 2007, is. 2. pp. 269–314. (In Russian).
- Stone L., *The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800*. New York: Harper and Row, 1977, 800 pp.
- Togoeva O. I., "Istinnaya pravda": yazyki srednevekovogo pravosudiya ["Veritable Truth": The Languages of Medieval Justice]. Moscow: Nauka, 2006, 333 pp. (In Russian).
- Trachtenberg J., *The Devil and the Jews. The Medieval Conception of the Jew and Its Relation to Modern Antisemitism*. New Haven: Yale University Press, 1943, 279 pp.

- Utekhin I. V., *Ocherki kommunalnogo byta* [Essays on Everyday Life in Communal Apartments]. 2nd ed., enl. Moscow: OGI, 2004, 277 pp. (In Russian).
- Vakhstein V., 'K teorii podozreniya' [Towards the Theory of Suspicion], *PostNauka*, 2014, 2 April. <<http://postnauka.ru/longreads/24674>>. (In Russian).
- Viola L., *Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. New York: Oxford University Press, 1996, XII+312 pp.
- Zelenina G., 'Krov za krov, mif za mif: Navety i otvety' [Blood for Blood, Myth for Myth: Libels and Responses], *Lekhaim*, 2008, no. 11, pp. 25–30; no. 12, pp. 19–23; 2009, no. 1, pp. 42–46. (In Russian).
- Zorin A. L., 'Proza L. Ya. Ginzburg i gumanitarnaya mysl XX veka' [Lidiya Ginzburg's Prose and Humanitarian Thought of the 20th Century], *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2005, no. 76, pp. 45–68. (In Russian).
- Zubkova E. Yu., 'Mir mneniy sovetskogo cheloveka 1945–1948 gg.' [A World of the Soviet Man's Opinions, 1945–1948], *Otechestvennaya Istoriya*, 1998, no. 3, pp. 25–39; no. 4, pp. 99–108. (In Russian).
- Zubkova E. Yu., *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost 1945–1953* [Post war Soviet Society: Politics and Everyday Life]. Moscow: ROSSPEN, 1999, 230 pp. (In Russian).